

ГЛАВА 1

Внутри каждого яблока спрятан огрызок. А в любой женщине непременно притаилась красавица, но порой никто ее просто не замечает...

Я вышла из метро и попыталась продышаться. Только не надо напоминать мне, что московский воздух — коктейль из токсинов, тяжелых металлов и окиси углерода. Если сорок минут трястись в подземке, то потом даже смог на Садовом кольце покажется упоительно сладким. Однако я вдруг начала кашлять — в последнее время ко мне привязалась невесть откуда взявшаяся аллергия. И тут я увидела очень симпатичного мужчину, который с явным интересом смотрел на меня. Обычно я не знаколюсь на улице, более того, будучи некогда женой милиционера, я очень хорошо знаю: в нашем городе можно легко нарваться на криминальную личность, так что не следует заговаривать с незнакомцами. Ну, если только подсказать растерявшемуся туристу дорогу. И все же, согласитесь, явный интерес, читаемый в глазах идущих навстречу мужчин, женщину как-то бодрит. То же и со мной, Виолой Таракановой, — у меня и в мыслях нет заводить роман, но ощущение того, что я еще не вышла в тираж, радует. Вон сколько вокруг юных, ярких девушек, а шикарный блондин уставился на меня разинув рот. Похоже, он сражен наповал. Я сегодня действительно замечательно выгляжу, да и одета самым достойным образом, как раз вчера купила себе светло-розовое пальто. Абсолютно непрактичное приобрете-

ние — стоит пару раз прокатиться в муниципальном транспорте — и его можно выбрасывать, оно покроется невыводимыми пятнами, — но я не смогла удержаться. Зато выгляжу я сейчас, словно модель с обложки журнала. А еще я с утра сделала макияж и красивую прическу, потому что сегодня ездил в издательство сдавать рукопись (для тех, кто забыл, напомним: госпожа Виола Тараканова является одновременно и Ариной Виоловой, автором детективных романов, довольно известных в определенных кругах). Кстати, с очередной книгой я успела почти вовремя, задержка на десять дней не в счет, и на данном этапе я весьма довольна собой. Итак, я красива, отлично одета, молода, талантлива, и, ясное дело, парень, не сводящий с меня взгляда, почти лишился чувств от восторга. Ба, да он решил взять инициативу в свои руки! Ну надо же, отпихнул какую-то старшекласницу, натянувшую на себя, несмотря на осень, супер-мини-юбочку, и, широко улыбаясь, идет прямо ко мне. Нужно срочно сделать злобный вид, чтобы потенциальный кавалер понял: шикарная особа не испытывает ни малейшего желания общаться с посторонними!

Красавец приблизился почти вплотную, на моем лице помимо воли поселилась улыбка. Нет, конечно, я абсолютно не собираюсь кокетничать, просто выслушаю комплименты и сурово отвечу: «Не даю номер телефона незнакомым людям». Хотя такое заявление звучит глупо: знакомым номер давно известен, так что если кому-то и давать телефон, то как раз незнакомым.

Пока эти мысли крутились в моей голове, мужчина откашлялся и глубоким баритоном произнес:

— Здравствуйте!

— Добрый день, — кивнула я и повернула голову, очень хорошо зная, что в профиль смотрюсь наиболее выигрышно.

— Меня зовут Александр, — продолжил блондин

и, представляясь, вежливо поклонился. — Вот, увидел вас в толпе и сразу понял...

Тут на него напал кашель. Мне бы следовало воспользоваться возникшей паузой и быстро уйти, но ведь неприлично убежать, не дав собеседнику выговориться! Пусть уж сообщит мне о том, какое впечатление я произвела на него, а потом, когда красавчик, покраснев от смущения, закончит «выступление», я гордо скажу, отвечу, заявлю... э... однако парню давно пора прекратить кашлять и продолжить речь! У него что, туберкулез?

— Простите, — заулыбался наконец блондин, — целый день на улице провожу, слегка простыл.

— Понятно, — кивнула я.

— Так вот... — Парень приободрился и завел: — Ваш вид! Внешность! Лицо! Короче говоря, звоните! Главное — понять, что это необходимо! Держите! Со всем не страшно! И ничего стыдного нет!

Я машинально взяла протянутый листочек и запоздало удивилась: что, так теперь принято — сунуть женщине открытку и застыть рядом, уставившись на объект обожания?

— Вы прочитайте! — бодро продолжал блондин. — Хоть нас и обучали на специальных курсах, но у меня хорошо говорить не получается. А над текстом профессор потрудился, этот... как его... стилист!

Мое удивление выросло до размеров небоскреба. О чем толкует потенциальный кавалер? Я уткнулась в крупный шрифт и прочла следующее:

«Новое лицо к Новому году. Начните январь обновленной. Сейчас у вас грыжи под глазами, глубокие морщины, старческие пигментные пятна, оплывший овал лица? Короче говоря, глядя утром на себя в зеркало, вы испытываете ужас и хватаетесь за косметику? Надеетесь выглядеть моложе при помощи тональной пудры, корректора и румян? А зря, от слоя косметики ваша кожа станет только хуже, и в конце концов

вы будете похожи на печеное яблоко. Мы предлагаем вам революционное обновление внешности. Новое лицо — новая жизнь — новые заботы. Безразрезная и бесшовная подтяжка мышц — метод глубокой прошивки. Торопитесь! Запись всего один раз в году, количество мест в клинике ограничено».

В первую секунду я поморщилась. Текст составлен из рук вон плохо! Эти повторения прилагательного «новый»: «Новое лицо к Новому году», «обновленной»... Следовало отдать сей опус редактору! Вот моя Олеся Константиновна никогда бы не пропустила столь явной ерунды. А заявление: «новое лицо — новая жизнь — новые заботы»? В особенности радуют последние. Их что, обещают вкуче с красивой внешностью? Кроме того, слово «бесшовная» пишется не через букву «з»! Удивительная безграмотность! Похоже, составители рекламы плохо учились в школе. Вот я отлично помню правило: если корень слова начинается на...

— Скидка пятнадцать процентов! — вдруг заявил блондин.

— Вы о чем? — не удержалась я от вопроса.

— Если вы отдадите листовку на ресепшен, услуги обойдутся вам намного дешевле, — зачастил красавчик. И добавил: — Причем скидка распространяется на все, в том числе и на пересадку волос... э... на голове.

Это дополнение вызвало у меня улыбку. А куда еще можно пересадить волосы? На ноги, что ли? Неужели есть на свете женщины, которые с восторгом побегут на подобную операцию! Я уже хотела высказать вслух все, что думаю об идиотской рекламе, и только тут сообразила: минуточку, молодой человек вовсе не собирался приставать ко мне с комплиментами и спрашивать у меня номер телефона! Кретин просто раздает визитки клиники, которая проводит омолаживающие процедуры! И из всего потока дефилирующих по улице теток он выбрал МЕНЯ? С какой стати?

— С ума сошел? — искренне возмутилась я. — Еще бы липосакцию предложил!

Дурак снова кашлянул раз-другой, и на его лице появился восторг.

— Вау! — взвизгнул он. — Я чегой-то стесняюсь о жирососасывании шуршать, хотя на курсах объясняли: все бабы о похудении мечтают! А вы молодец! Уважаю! Смело про свои проблемы рубите! Ща, уно моменто...

Не успела я моргнуть, как блондин сунул мне под нос другую бумажонку. На сем рекламном шедевре черным по белому стояло: «Революционная методика увеличения бюста путем использования отходов липосакции. Убираем лишнее, превращаем ненужное в необходимое. Нужна ли вам толщина в районе бедер? Нет? Желаете иметь сексуальную грудь восьмого размера? Легко сделаем из материала клиента! Никакого отторжения! Во время вмешательства получите удовольствие, без боли и наркоза. Гарантия на всю жизнь».

На долю секунды я растерялась. Зачем мне бюст устрашающей величины? Думаю, с ним крайне неудобно ходить. Он просто перевесит госпожу Тараканову, я буду постоянно падать. К тому же у меня на бедрах не найти такого количества жира, чтобы из него получилось два футбольных мяча. Хотя, если быть совсем объективной, в верхней части моих ног начинают намечаться «уши»... Неужели крохотный дефект столь заметен посторонним?

И тут я разозлилась, быстро-быстро изорвала листочки в мелкие клочки и швырнула их на тротуар. Вообще говоря, я категорически не одобряю людей, засоряющих улицы, никогда не кидаю мусор мимо урны, но в этот момент напрочь забыла о хороших манерах.

— Мерзавец! — с вызовом сказала я блондину. — На себя посмотри! Натуральная белая мышь в обмороке!

— Скидочку можно увеличить, — совершенно не обиделся болван. — Потом передумаете, локти кусать станете, у нас временная акция!

Я развернулась и отточенным шагом двинулась в сторону маршрутного такси. Слава богу, малопрятный тип не побежал за мной. На пути мне попался магазин с зеркальными стеклами, я невольно посмотрела на себя и приуныла. Пальто цвета поросенка, страдающего анемией, не подходит мне, а вертикальные складки, вместо того чтобы зрительно удлинить фигуру, парадоксальным образом ее уменьшили. А под глазами темнеют синяки, верхние веки того же цвета, я напоминаю очковую мартышку. Видели когда-нибудь это симпатичное человекообразное с крохотной мордочкой и почти черными кругами, сходящимися у носа? Вылитая я!

В сумочке завибрировал мобильный.

— Алло, — мрачно сказала я.

— Вилка! Приветик! — прокудахтал голосок.

— Добрый день, — ответила я, не понимая, кто находится на связи.

— Что ты делаешь? — продолжала женщина.

— Стою на проспекте.

— Ой, ты прям как Андре! Спросишь у него: «Милый, где находишься?» — он живо ответит: «В машине».

— Дана? Ты? — обрадовалась я.

— Кто ж еще! — воскликнула приятельница. — Не узнала? Здорово! Не звонишь сто лет... Конечно, ты у нас писательница! Небось звездишь без остановки? Презентации, автограф-сессии...

Лучшая защита — нападение. Похоже, моя старинная знакомая Дана Колоскова отлично усвоила сей незамысловатый постулат. В прежней жизни, когда мы с Томочкой считали себя неразлучными подругами¹, я преподавала детям немецкий язык, и Дана наняла меня для своего сына Андре, милого мальчика,

¹ Читайте книги Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Зимнее лето весны», в них рассказано, как началась и завершалась дружба. Издательство «Эксмо».

но самозабвенного двоечника. Не успела я первый раз войти в квартиру, как хозяйка моментально усадила меня за стол, налила прекрасный кофе и сообщила кучу подробностей о своей жизни. На самом деле Дану зовут не по-русски красиво — Данунция. Еще шикарнее звучит ее девичья фамилия — Гарибальди. Поглощая аппетитные булочки с корицей, Дана безостановочно говорила:

— Слышала про того Гарибальди¹, революционера из Италии? Видишь сейчас перед собой его родственницу.

— Ну надо же! — изумилась я.

Дана, явно обрадованная моей реакцией, добавила скорости беседе, и через четверть часа я была в курсе, что ее муж Альберт пишет книгу, сын Андре юный безобразник и никого не желает слушаться (похоже, весь удался в дальнего родственника, борца с угнетателями итальянского народа), свекровь Жозя разводит птичек, пернатые летают по дому и роняют перья в кофе. А еще, стрекотала Данунция, хорошо бы уехать из Москвы за город, но дела не позволяют, она же работает, а на досуге делает бижутерию, в основном бусы, которые продает коллегам и их знакомым.

Я слегка ошалела под лавиной информации, но, когда попыталась пойти в детскую, чтобы заниматься с Андре, Дана меня непустила. И все наши дальнейшие «занятия» всегда выглядели одинаково: едва я появлялась на пороге, Дана мгновенно хваталась за кофейник. В комнате у мальчика я так и не побывала. Андре сам приносил на кухню учебник, и, пока мать двоечника болтала, я живо делала ему домашнее задание. Наверяд ли такое времяпрепровождение можно назвать полноценным уроком. В конце концов мне стало стыдно брать у Данки деньги, и я отказалась от

¹ Джузеппе Гарибальди (1807—1882) — революционер, народный герой Италии.

ученика. Но наши отношения не прервались, мы с родственницей Гарибальди активно общались, а я по-прежнему писала для Андре сочинения на тему «Летние каникулы» или «Родной город». Стихийно возникшему приятельству немало способствовал тот факт, что мы жили в соседних домах. А кроме того, Дана изумительно готовила, из нее вышел бы отличный повар.

Потом я и Томочка вышли замуж, переехали на новую квартиру, и мое общение с Данкой сократилось. Почти каждый день забегать в гости стало невозможно, но мы периодически перезванивались. Правда, в последний раз мы беседовали давно, больше года назад. И вот сейчас я слышу из трубки веселый голосок. Похоже, Данка не изменилась — за пару минут она успела выложить все свои новости: муж Альберт ее бросил, выросший Андре женился и вместе с женой живет в Италии, где у Гарибальди есть родственники. Наверное, Дана забыла, что я об этих обстоятельствах хорошо знаю.

— Я наконец-то вернула себе девичью фамилию. На фиг мне Колосковой быть, — пулеметом строчила Данка. — И очень хорошо, что Алик исчез из моей жизни, теперь это не моя забота. От него были одни расходы — пить начал, а мне завидовал. Я же бизнесмен, а он типа никто! Слава богу, он другую нашел, уже год как смотался. Ну да ты это знаешь! Жозя, конечно, осталась со мной. Ты можешь приехать?

— Куда и зачем? — попыталась выяснить я.

— Видела тебя тут по телику, — тараторила Дана. — Горжусь безмерно, всем рассказываю: Арина Виолова моя лучшая подруга. Все твои книги прочитала по пять раз. Фанатею по-черному! Давай, кати сюда!

— Да куда?

— В Евстигнеевку! Неужели забыла?

— Прости, да, — ответила я чистую правду.

— Вилка, ты чего? — возмутилась Дана. — Это дача Жози!

Я напряглась, из глубин памяти выплыло воспоминание о большом, старом деревянном доме, в котором на разные голоса скрипели разошедшиеся полы. Жозя, свекровь Даны, была очень гостеприимна, летом она зазывала к себе всех: подруг, знакомых, коллег сына и невестки.

— Мы теперь постоянно живем в Евстигнеевке. Я же тебе рассказывала о ремонте, — вещала Дана. — Сделай одолжение, приезжай! Очень надо, ей-богу! Прямо сейчас!

Я заколебалась. Может, принять приглашение? По крайней мере, Данка до отвала накормит меня вкусностями. К тому же дома меня никто не ждет, рукопись сдана, в городской квартире, несмотря на теплую погоду, царит дикий холод — отопление пока не включили, а в Евстигнеевке имеются печи.

— Хорошо, приеду, — приняла я решение. — Но ближе к вечеру.

— Ты на машине? — спросила Гарибальди.

— Нет, — вздохнула я.

— Дуй сейчас же на вокзал, — поторопила меня Данка, — через сорок минут пойдет электричка. Если успеешь на нее, встречу тебя на станции. Ну?

— Не могу же я ехать за город в розовом пальто!

— Почему? — изумилась Дана.

— И у меня нет с собой даже зубной щетки.

— Ну и ерундища лезет тебе в голову! — незамедлительно отбила и эту подачу подруга. — Кати как есть. У меня найдется и пижама, и пуховик, и мыло с мочалкой.

Но я все равно пребывала в сомнениях, и тут Дана тихо сказала:

— Вилка, ты мне срочно нужна, беда случилась!

— Я уже в пути, — ответила я, — встречаемся у первого вагона. Станция Манихино?

— Верно! — обрадовалась Дана. — Но лучше садись в конец состава.

ГЛАВА 2

— Ну, сильно я изменилась? — спросила Дана, заводя мотор не совсем новой, но вполне приличной иномарки.

Похоже, материальное положение моей подруги за время, прошедшее с нашей последней встречи, не стало хуже, а может, даже улучшилось. Вон какой дорогой мобильный торчит у нее на поясе в специальном креплении — трубка ярко-красного цвета с отделкой из натуральной кожи, вся в стразах. Словно подслушав мои мысли, аппарат начал издавать звуки.

Дана вытащила его и поднесла к уху.

— Да, да, едем, — сказала она и вернула мобильный на место.

Я улыбнулась. Дана верна своей привычке: она легко теряла сотовые телефоны, а потом придумала прицеплять их к поясу цепочкой.

— Так как, сильно я постарела? — кокетливо поинтересовалась Дана.

— Нисколько, — улыбнулась я. — Ты у нас как настоящая стратегическая тушенка, которая хранится полвека без ущерба для качества.

— Скажешь тоже! — хихикнула Дана. — Вот ты шикарно смотришься. А какое пальто!

— На днях купила, — похвасталась я, а затем поинтересовалась: — Почему вы до сих пор на даче? Вроде сезон закончился.

Дана сосредоточенно уставилась в лобовое стекло.

— Да понимаешь, в чем дело... Альбертик, гад, работу бросил, бухать начал. Пока Андре с нами жил, горе-папашка еще сдерживался, а как сын в Италию укатил, с цепи сорвался. У него резьбу сорвало! Короче, мы подали на развод, и тут выяснилось: все пополам делить надо. Помнишь мои проблемы? Сколько я плакала у тебя на кухне...

— Веселое было время, — пробормотала я.

— Ага, обхохочешься, — кивнула Данка. — Главное, сначала Альбертик ничего не требовал, а потом бумага от адвоката приплыла. Я не сразу сообразила, что у муженька моего баба появилась. Это ее работа, стервятины ушлой. Ну и пошла у нас битва за шмотки. В конце концов договорились: Алику городская квартира отошла, а мне дача.

— Печально, — кивнула я, — у тебя был сложный развод.

— Не, наоборот, хорошо вышло, — засмеялась Данка. — Нашу халупу помнишь? Три комнаты как три спичечных коробка, ванная похожа на мыльницу, кухня — не повернуться. Зато дачка хоть и старая, да четыреста квадратных метров, и участок полгектара, от Москвы недалеко. Мы с Жозей счастливы! Альбертик один разок выгадал момент, когда я в свой магазин в город покатила, и привез новую жену — матери показать. Ой, тут такое было! Жозя со смеху умирала, когда рассказывала! Мадам Колоскова, как фазенду узрела, сначала челюсть уронила, потом не утерпела и заорала: «Ты ж говорил, что тут сарай! Дурак! Ты хоть понимаешь, сколько здесь одна земля стоит? Обобрали тебя!»

Конечно, мы с Жозей в доме ремонт сделали, ты халабуду и не узнаешь. Вот прикатим — удивишься!

— Ты работаешь по-прежнему в магазине? — заинтересовалась я.

Дана засмеялась:

— Давно же мы с тобой не болтали! Я горжусь своей «точкой». Помнишь, я сначала бусами по знакомым торговала... А теперь собственную лавку имею и штат мастериц, я дизайн придумываю, а они изделия собирают. Есть постоянные клиенты. Например, дама по фамилии Яндарова кучу всего ежемесячно заказывает и, думаю, перепродает. Кстати, сейчас в моде крупные аксессуары, а тебе пойдут красные серьги. Ну вот, мы прибыли...

Дана шелкнула брелоком, железные ворота отъехали в сторону, машина нырнула во двор и покатила по узкой, засаженной со всех сторон кустарником и деревьями дорожке к гаражу.

— Как у вас красиво! — ахнула я. — Кто занимается садом?

— Раньше Жозя копалась, — ответила подруга, — но теперь ей трудно, только за птичками ухаживает. Раз в неделю мужик приходит, садовник. Следит за посадками, траву косит, ветки подстригает.

Продолжая болтать, Дана нажала на пульт, железные ворота гаража начали медленно подниматься вверх.

— Когда же я была тут в последний раз? — продолжала восхищаться я. — Здорово, у вас дом стоит прямо у леса!

— Ты сюда приезжала сто лет назад, — засмеялась Гарибальди. — Да и в городе мы с тобой давно не встречались.

— Дела, заботы... — пробормотала я.

— Надо взять за правило хоть раз в неделю звонить друг другу. А то вон сейчас пришлось тебе про развод рассказывать и про бизнес, — укорила Дана.

— Я великолепно помню о твоих проблемах! И об успехах тоже!

Гарибальди засмеялась.

— Память лучше лишний раз освежать.

Ворота поднялись.

— Ой, «Запорожец»! — охнула я. — Тот самый! Любовь и гордость Жози! Он еще на ходу?

— Зверь-машина, — рассмеялась Дана. — Жозя его ежедневно заводит и проверяет. Как раньше.

— Твоя свекровь на нем ездит? — поразила я.

— Нет, конечно, — помотала головой Дана. — Но считает «Запорожец» лучшим авто на свете, его же подарил ей Матвей Витальевич. Знаешь ведь, как свекровь обожала мужа. Она даже его кабинет переделать

не позволила. Помнишь, он и раньше как музей стоял, да так и остался. Везде ремонт сделали, а в кабинете Колоскова ничего не тронут. С внешней стороны, когда на дом смотришь, это странно выглядит: повсюду стеклопакеты — и вдруг одно допотопное окно. Давай, входи, а то, кажется, дождь начинается...

Миновав просторную прихожую, коридор и холл, мы вошли в квадратную кухню-столовую. Данка медленно бросилась к плите.

— Кофеек сейчас сварганю, — пообещала она. — Еще ватрушки имеются. Вкусные, заразы, с апельсиновыми цукатами!

— Теперь понимаю, отчего вторая жена Альбертика взбесилась, — констатировала я, удобно устроившись в кресле. — От прежней дачи ничего не осталось! Все иное, включая мебель.

— Нет, картины старые, и кабинет Матвея нетронут, настоящий музей, — уточнила Дана и засмеялась. — Да и мы с Жозей прежние. А вот и она! Мам, привет, узнаешь Виолу?

Я встала и повернулась к двери. На пороге стояла хрупкая фигурка. Жозя всегда была стройной и подтянутой, но за тот срок, что мы не виделись, она стала похожа на одну из своих любимых канареек.

— «Виола»? — растерянно переспросила Жозя. — Спасибо, я недавно обедала. Может, к ужину съем кусочек хлебушка с плавленым сыром.

Данка засмеялась:

— Ма, я не о сыре, а о Виоле Таракановой, моей подруге, а теперь писательнице. Чьи это там книжки? Вон, на подоконнике...

Я невольно посмотрела в сторону огромного стеклопакета в темно-коричневой деревянной раме и увидела стопку своих книг. Данка не пыталась сделать мне приятное, рассказывая о своей любви к детективам Арины Виоловой, она и в самом деле скупила их все.

— Это ее романы, — терпеливо продолжала Дана.
— Она их заберет? — спросила Жозя.
— Нет, нет, оставлю, — успокоила я старушку.
— А говоришь, книжки принадлежат гостье, — нараспев произнесла Жозя.

— Виола их написала, — объяснила Данка, — она автор бестселлеров.

Жозя погрозила невестке пальцем, потом глянула на меня.

— Дануся вечно надо мной подшучивает! Я великолепно знаю, как зовут писательницу — Арина Виолова! А в гости к нам пришла Виола Тараканова...

— Мамуля, — перебила ее подруга, — вспомни: мы с тобой вчера смотрели телик. Я увидела Вилку и тебе сказала: «Гляди, Тараканова выступает!»

— Не делай из меня дуру, я имею расчудесную память! — рассердилась бабуля. — Виола Тараканова наша давняя знакомая. Здравствуй, моя милая, замечательно выглядишь, слегка повзрослела, но это ведь естественно!

— Спасибо, Жозя, — улыбнулась я. — Собственно, я теперь уже не взролею, а старею... Ты слишком деликатна!

— А при чем тут Арина Виолова? — задала вопрос престарелая дама.

— Писательница она, — указала на меня Данка.

— У нас в столовой Виола Тараканова, — напомнила Жозя. — Никакой Арины я не вижу!

— Вилку еще зовут Виоловой, — бестолково объясняла невестка. — Они одно лицо.

Жозя наморщила лоб.

— Виола Тараканова и Арина Виолова?

— Да, — кивнула я.

— Слава богу, разобрались, — обрадовалась Данка.

— Так не бывает, — заявила Жозя. — Ох, юмористка! Ну ладно, пейте чаек, а потом приходите посмотреть на птичек, я буду в вольерной.

Шаркая уютными теплыми шлепанцами из дубленой овчины, Жозя двинулась в сторону коридора. Только тут я сообразила, что она надела свитер наизнанку — ярлычок с названием фирмы торчал на виду, а домашние тапки у старушки оказались от разных пар: на правой ноге красовалась голубая, на левой розовая.

— У Жози склероз? — спросила я, когда мать Альберта ушла.

Дана почесала переносицу.

— Не-а, все отлично. Ну забывает порой мелочи, может имена перепутать или кое-что недопонять. Но Жозя вполне здорова, я за ней в четыре глаза слежу, раз в три месяца на анализы вожу, таблетки даю. Меня врачи уверяют, что она проживет еще долго. Да и с какой стати ей помирать? Она совсем молодая, восьмидесятилетие не отметила. Скажи, она чудесно выглядит?

Последние слова Данка произнесла слишком громко, словно желая скрыть собственное беспокойство.

— Да, да, да, — закивала я, — больше пятидесяти ей и не дать. Насчет склероза я глупость сморозила.

Лицо Даны разгладилось.

— Вот и кофе, — обрадованно сказала она, — а к нему булочки, колбаска, сыр...

Я молча смотрела, как подруга мечется по кухне. Дана рано потеряла родителей и, насколько я понимаю, всю жизнь мечтала иметь большую семью, состоящую из любящих родственников. И ей повезло. Правда, не с мужем. Альберт всегда был эгоистом, он искренне считал, что супруга дура, не способная ничего добиться. Он и не скрывал своего презрения по отношению к жене, а его насмешки над Данкой вызывали у меня желание стукнуть Алика по носу. Хорошо, что он завел другую бабу и ушел от Даны!

Но вот свекровь ей досталась замечательная. Жозя всегда стояла на стороне невестки, защищала ее, как

могла, подсовывала деньги из своей не слишком большой пенсии и фактически вырастила Андре. Тут, наверное, надо сделать некоторые уточнения. Андре по паспорту Андрей, на иностранный манер его с пеленок начала звать Данка, которая очень гордится своим итальянским происхождением. А Жозя по-настоящему Антонина Михайловна Колоскова. Как она стала Жозей? В этом следует «винить» внука — едва научившись лепетать, малыш принялся так называть бабушку, и с его легкой руки это имя прижилось. Так вот, спустя пару лет после свадьбы Дана твердо уверовала, что свекровь ей — самый родной человек, и с тех пор называет ее мамой. Моя подруга видит, что старушка дряхлеет, понимает: рано или поздно настанет момент, когда смерть разлучит ее с Жозей, и страшно боится неминуемого расставания.

Мы попили чаю, потом Дана спохватилась:

— Птички! Пошли скорей, Жозе не терпится похвастаться!

Я покорно потопала в вольер, который был устроен в специальном помещении. Жозя очень любит пернатых, в доме у нее всегда жили канарейки, простые воробьи, попугаи. Каким-то образом дама умеет договариваться с крылатыми — те порхали свободно по квартире, но гадили только в клетках, не портили мебель и вели себя весьма пристойно. Видно, птичкам было хорошо у Жози, и потому они постоянно пеют. А на фазенде свекровь Данки держала кур, и местные бабы обивали ее порог, прося рассказать, чем та кормит несушек. Ну по какой причине у них цыпы от ветра дохнут и откладывают мелкие, абсолютно невкусные яйца, а у Жози на насесте гордо восседают красавицы, выдающие по утрам яйца размером с кулак?

— Да нет у меня никаких особых секретов! — отбивалась Жозя. — Просто кур любить надо. Утром поздороваться с ними, с каждой поболтать, о петухах по-

сплетничать, вечером колыбельную спеть, вот и все дела...

Крестьянки вертели пальцем у виска и уходили. Окончательно считать горожанку сумасшедшей им мешал цветущий вид обитателей ее курятника. В общем, местные кумушки пришли к выводу, что Жозя прикидывается душой, а на самом деле подсыпает-таки в корм некую чудо-добавку и просто не желает делиться секретом.

— А вот и птичник, — сказала Данка, распахивая дверь.

На секунду я оглохла и ослепла. В просторной комнате стояла жара, со всех сторон несло оглушительное чириканье, с потолка и стен били лучи мощных ламп, в многочисленных клетках порхали разноцветные птицы.

— О! Вы пришли! — обрадовалась Жозя, сидевшая на диванчике с книгой в руках.

Оставалось лишь удивляться, коим образом пожилая дама могла отдыхать в такой обстановке. И в птичнике странно пахло — нет, не отходами жизнедеятельности разномастной стаи, а чем-то вроде лекарств.

— Смотри, Виолочка, — начала экскурсию Жозя, — вон там у меня австралийские птицы. Очень редкие! Знаешь, мне в зоопарке не поверили, когда я сообщила, что мои питомцы вывели птенцов, заявили, мол, в неволе они не размножаются. Ха! У меня самка яйца отложила и высидела их замечательно! Нравится?

— Очень, — покривила я душой, потому что чувствовала себя здесь отчего-то неважно. — А кстати, у вас ведь еще собака была, Линда...

— Да, — грустно ответила Данка, — умерла моя девочка.

— Не расстраивайся! — воскликнула Жозя. — А вот тут «гости» из Африки...

— Вы теперь увлекаетесь экзотами? — поддержала

я разговор, очень надеюсь, что экскурсия вот-вот завершится.

— А ну перестань! — вдруг воскликнула Жозя и бросилась к одной из клеток. — Только вчера приехал, а уже хамит! У нас так в семье не принято, изволь жить со всеми в мире!

Неожиданно мне стало совсем плохо — в носу защипало, в горле запершило, и, что называется, в зобу дыханье сперло.

— Ты как? — шепотом спросила Данка.

Я попыталась ответить, но не сумела выдать из себя ни звука. Гарибальди быстро выволокла меня из птичника в прихожую и живо распахнула входную дверь.

— Спасибо, — пролепетала я, хватая ртом воздух. А когда я пришла в себя и смогла говорить, то заволновалась: — Наверное, Жозя обиделась!

— Да нет, не переживай, — улыбнулась Данка. — Она как ребенок! Ей новую птичку привезли, а та оказалась с тяжелым характером. Мама вчера весь вечер сокрушалась, до чего конфликтный экземпляр прибыл.

— Где же она берет всех этих экзотов? — запоздало удивилась я.

— Был бы купец, а товар найдется, — усмехнулась Дана. — Птиц я покупаю. Сначала имела дело с частными торговцами, но, понимаешь, пернатые прибывают в ужасном состоянии, чаще всего больные либо донельзя истощенные. Привезешь клетку домой, а ее обитатель через сутки покойник. Жозя так плакала! И денег, конечно, отданных нечистоплотному торгашу, жаль. В общем, я нашла в Интернете сайт и заказываю по каталогу из Германии всяких там дроздов и синиц. Знаешь, я хоть и живу в доме с вольером, но так и не научилась разбираться в пернатых, а вот Жозя у нас — профессор! Она выбирает нужный экземпляр, я оплачиваю, и новый обитатель доставляется самолетом из Франкфурта.

— Скажи пожалуйста! — восхитилась я. — Так просто!

— Да, — согласилась подруга, — теперь стало просто: прикатываешь в аэропорт, демонстрируешь бумаги и везешь домой здорового птенчика. Кстати, ты спрашивала про мою собаку...

— Извини, — быстро сказала я, — не хотела причинить тебе боль, не знала о смерти Линды.

— Ей исполнилось пятнадцать лет, — грустно сообщила Дана, — она умерла от старости. Но я через тот же Интернет нашла щенка, завтра должен в Москву прилететь. Цвергшнауцер.

— Кто? — не поняла я. — Извини, я не очень в породах псов понимаю.

— Есть просто шнауцер, — охотно пояснила Дана, — есть ризеншнауцер, здоровенный такой, лохматый. Пожалуй, повыше стола будет...

— Господи! Зачем тебе такой мамонт? — невоспитанно перебила я подругу. Но тут же спохватилась и решила обратить некорректное замечание в шутку: — Хотя... сможешь на нем в магазин верхом ездить. Впрочем, если на полном серьезе, то охранный пес в деревне совсем не лишний.

— У нас спокойно, — отмахнулась Дана, — до сих пор двери не запираем. Но ты, как всегда, не дослушала меня. Я ведь вела речь не о великане-шнауцере, а о цверге. Ну-ка, переведи с немецкого!

— Гном, — автоматически ответила я. И засмеялась: — Гном-шнауцер. Карликовый вариант.

— Верно, — кивнула Дана, — маленький, меньше кошки. Такой славный! Вот завтра его привезу, и увидишь. Ты же можешь у нас пару дней пожить?

Я глубоко вздохнула и внезапно ощутила полнейший душевный комфорт. Давно мне не было так хорошо, ни одна будоражащая нервы мысль не лезла в голову. Рукопись я сдала, никаких обязательств не имею, в доме у Гарибальди тепло, уютно, замечательно пах-

нет свежими булочками и кофе, а мой мобильник молчит...

— Мы с тобой, несмотря на дружбу, ни разу не говорили о твоём творчестве, а тут я прочитала в журнале статью про Виолову, — вдруг тихо продолжила Дана, оглядываясь на плотно закрытую дверь гостиной. — Там говорилось, что ты сначала лично раскрываешь преступление, а уж потом пишешь книгу. Скажи, это правда?

— Ну, в принципе да, — кивнула я. — Иногда мне, правда, кажется, что сюжеты лучше придумывать, но господь обделил меня фантазией. А вот рассказать о реальном случае получается очень здорово.

Данка встала, приоткрыла дверь, заглянула в коридор, потом осторожно захлопнула дверь и заговорила, еще больше понизив голос:

— Боюсь, Жозя услышит, еще волноваться начнет. Тут беда приключилась!

— С тобой? — насторожилась я.

Данка помотала головой.

— Знаешь, иногда происходит цепь случайностей, а потом соображаешь: их судьба специально подстроила. Понимаешь?

— Пока нет, — удивленно ответила я.

Дана села в кресло и поджала ноги. Голос ее стал непривычно серьезным.

— Мы с тобой в последнее время мало общались, даже звонить друг другу перестали, а тут еду в метро, гляжу, девчонка книгу читает, на обложке фото писательницы, написано — «Арина Виолова», и я сразу узнала тебя. Мне так интересно стало! Когда вышла на улицу, к лотку с газетами и книгами побежала, а там несколько твоих детективов продается. Купила из любопытства и, что называется, подседа. Все позвонить тебе собиралась, высказать восхищение, да дела мешали. Магазин, мастерицы... Аксессуарам сейчас многие торгуют, надо крутиться, чтобы выжить. Знаешь,

какую я феньку придумала? Украшение из птичьих перьев! Но не о бизнесе речь. Видишь, как получилось: сначала я твои книги приобрела, потом газету о тебе прочитала, а вчера по телику увидела. Тут я и поняла: не случайно все это, надо к тебе обратиться. Ты же мне поможешь, а?

— Непременно, если сумею понять, в чем проблема, — так же шепотом ответила я. — Ты расскажи все по порядку...

ГЛАВА 3

Не сразу, но мне удалось разобраться в ситуации. К сожалению, Данка не умеет говорить кратко и емко, поэтому пришлось потратить много времени, задавая подруге вопросы. Но в конце концов в темном тоннеле забрезжил свет, картина произошедшего стала проясняться.

Гарибальди живет в деревне. Да, да, в прямом смысле слова — дом стоит не в охраняемом поселке, а в самом обычном селе. Если вы купили себе коттедж за общим забором, то очутитесь в компании людей примерно одного с вами достатка. А вот в деревне классовое расслоение крайне велико. Данка со своим свежотремонтированным домом, худо-бедно вертящимся бизнесом и иномаркой считалась в Евстигнеевке ну очень богатой. Местные бабы улыбались Дане, а за глаза шипели, исходя ядом:

— Везет же некоторым! Ни черта не делает, а рубли в таз сгребают. Лишь о себе заботится — сын за границей, мужа нет, живет вдвоем с бабкой. Повозилась бы, как мы, на огороде с утра до ночи, попряталась бы от мужика-алкоголика в овраге, потащила бы на горбу пятерых детишек...

Тем не менее бабы частенько прибегали к Гарибальди с просьбами:

— Даночка, дай сотенку до зарплаты, мой ирод детское пособие пропил!

Дана, почему-то испытывавшая чувство вины перед селянками, охотно вытаскивала кошелек. А попросайки, живо сообразив, что она не только обеспечена, но и глупа, увеличили размер кредитов. Счет пошел уже не на сотни, а на тысячи.

Через некоторое время Дана поняла: ее попросту используют. И деньги просят, и охотно приходят в гости с голодными отпрысками — поужинать, и никогда не возвращают долгов. Прозрению способствовал разговор, свидетельницей которого Дана стала совершенно случайно, решив зайти в местный магазин за хлебом. До того дня Гарибальди никогда не заглядывала в сельпо, привозила продукты из Москвы, но в тот вторник она забыла купить в городе хлеб и, подумав, что местный «нарезной» тоже сойдет, поспешила в лавку.

Дело было летом, Дана побежала за покупкой, нацепив босоножки на каблуках. Каблуком зацепилась о какой-то камень да шлепнулась прямо под открытым окном продмага. Она не ушиблась, улыбнулась лишь своей неловкости, начала подниматься, коря себя за то, что надела неуместную в деревне обувь, и тут из окна до нее донеслись голоса.

— Бери колбасу, — хрипло предложила продавщица, — свежая, утром привезли.

— Не надо, — ответила Таня Ларюхина, главная местная сплетница. — Макарон насыпь!

— Чегой-то ты перестала «Докторскую» брать? Вегетарианкой заделалась? Здоровенькой помереть решила? — засмеялась торговка.

— Да не! Зайду к этой дуре Гарибальди и пожру сервелату, — объяснила Ларюхина. — Чего зря деньги тратить, когда у ней задарма угоститься можно! Я и конфеты детям теперь не беру. Едва завоюют: «Мамка, сладкого хотим», — отправляю их к Данке. Ступайте, мол, ребята, к соседке, у ней и трескайте шоколадки.

— Ваше денег не считает! — подхватила лавочница. — В долг дает по первой просьбе!

— Видать, средств много, раз не жаль, — отметила Татьяна. — Харитоновы за ее счет давно бухают.

— Вот идиотка!

— Ваше без ума!

— А уж страшная!

— Потому и мужика потеряла.

— Говорят, сын ее бросил, не захотел с матерью-транжирой жить.

— Да ты че?! Вот интересно! Откуда ж у ней бабки?

— Хрен ее знает! Наверняка ворует. По-честному таких денег не заработать, — подвела итог беседе продавщица.

Хлеба Данка в тот день не купила. Вернулась домой и сразу полезла под душ — ей захотелось отмыться от грязи. Едва она вышла из ванной, как в дверь позвонила Ларюхина и, как всегда, мило улыбаясь, проворковала:

— Даночка, чего поделываешь? Пусти сериальчик по хорошему телику поглядеть, на большом экране лучше, чем по спичечному коробку.

Гарибальди прищурилась:

— Наверное, и от бутерброда с колбаской не откажешься?

— Если угостишь, то с удовольствием, — согласилась сплетница.

— Деток дома оставила? — усмехнулась Дана. — Как же они без шоколадных конфеток спать пойдут?

Лицо Ларюхиной вытянулось.

— Ты о чем?

— Надоело вас кормить! — рявкнула Дана. — Больше не шляйтесь! Придется тебе самой колбасу покупать, на меня больше не рассчитывай, пришел конец лафе. И остальным передай: банк закрыт, а долги пора возвращать!

Узнав, что дойная корова перестала давать сливоч-

ки, местные жители обозлились и принялись мстить. Сначала в саду у Гарибальди оборвали цветы, потом некто вывалил ей под дверь тачку с навозом... Вот после этого случая в село приехала милиция и арестовала за хулиганство Петра, сына Ларюхиной.

— Я ничего не делал! — орал парень, когда его тащили в отделение.

— Надо Данке стекла камнями побить! Красного петуха пустить! Черепицу расколотить! — возмущались приятели Пети.

Но потом в село вернулась заплаканная Танька, побежала по соседям, и народ попритих. Идиотка Дана оказалась вовсе не душой. По периметру ее участка и над входом в дом, как выяснилось, установлены видеокамеры, и Ларюхиной продемонстрировали «кино»: Петя выливает на ступени коровье дерьмо.

— А еще есть записи, как Дана деньги в долг давала, — всхлипывала Татьяна. — Ейный адвокат сказал: «Теперь никто не отвертится, вернете все до копеечки». О как! А еще она вчера оружием обзавелась, оформила по закону. Если кого во дворе без приглашения увидит — пристрелит, и будет вроде права. Нарушение границ частной собственности!

Петр получил два года условно, местное население притихло, к Данке и Жозе больше никто не лез. Более того, все стали невероятно вежливы с ними, но ни молодая, ни пожилая хозяйка уже не желали ни с кем дружить. Исключение было сделано только для Насти — учительницы местной школы и жены ее директора. Милая, интеллигентная, легко краснеющая даже от намека на грубое слово Анастасия частенько прибегала к Дане почаевичать.

Некоторое время назад Гарибальди заметила, что та плохо выглядит, похудела и осунулась. Не выдержала, спросила:

— Ты не заболела?

— Нет, все нормально, — вяло ответила Настенька.

— Худеть решила? — не отставала Данка. — Вот глупость — диетами себя мучить!

— Да не до диеты мне, — вымученно улыбнулась Настя.

— А юбки сваливаются! — воскликнула Гарибальди. — И от торта отказалась, а он домашний, мой фирменный.

— Меня от сладкого тошнит, — призналась подруга.

— Ой! Ты беременна! — подскочила Дана.

Настя молча опустила голову. И тут Гарибальди, не являющаяся образцом тактичности, решила пошутить и лягнула:

— А кто папочка младенца? Он знает о твоём положении?

Дане вопрос казался «юморным», она ожидала, что Анастасия рассмеется и ответит: «Ну ты даешь! Ясное дело, дед Сергей! Я давно состою в связи с местным бомжом, обожаю пьяниц и придурков!»

Но Настя отреагировала иначе. Глаза ее мгновенно наполнились слезами, она прижала руку ко рту, потом сдавленно прошептала:

— А ты откуда знаешь? Уже в деревне болтают?

— О чем? — изумилась Дана.

— Ну... обо мне... и... вообще... — мямлила учительница.

Дана изумилась:

— погоди, ты что имеешь в виду?

Настя разрыдалась и рассказала невероятную историю. Они с Леонидом, едва поженившись, стали мечтать о ребенке, но малыш никак не получался. Супруги испробовали народные средства, помогающие зачатию, затем обратились в медцентр. Специалисты провели множество анализов и вынесли вердикт: здоровы оба. Вопрос: «Почему же тогда Настя не беременеет?» — повис в воздухе.

Два месяца назад Леонид уехал в Москву и задержался там на три дня. Настя решила съездить к супру-